



Theatrical historical performances as a form of cultural solidarity in the space of a provincial town (early 1920-s)

M. V. Salimgareev¹

¹Kazan National Research Technological University, 68 Karl Marx str., Kazan, 420015,
Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-1-28-37

Research article
Full text in Russian

The article studies historical theatre performances on the territory of Kazan in the early 20s of the XX century on the basis of available historical sources and scientific literature. The political and cultural elite of the new state was faced with the task of attracting the attention of Soviet citizens to new, revolutionary symbols and values, since a significant part of the population, especially in the provinces, was still «eyeing» the Soviet order. After October 1917 the most common form of Soviet political celebration in the country was not only rallies and solemn meetings but plays on historical and revolutionary themes. Within the framework of the historical and cultural context, the connection of theatrical productions with innovative methods of influencing to the viewer is revealed. All the participants of the performances in Kazan were involved in the plot outline of the reproduced dramatic events of the recent past with their amateur, involved presence. On the streets and squares of Kazan, as well as many other Russian cities, a collective creation unprecedented in the history of world culture arose, where the natural experience of the dramatic moment of the past became a mysterious process and, at the same time, an original artistic text. During the theater, this was achieved in the most spectacular way, which was facilitated by both symbolic entourage and imitation of collective actions in which «random» meetings with participants in real events could take place. All this had a strong impact on the perception of the historical plot as the only possible scenario of historical reality and inspired a sense of deep involvement in the memorable event. Living the past as real created a new space of unprecedented ecstatic solidarity, where collective action became not just a political act of the revolutionary mass, strengthening the individual's sense of belonging, belonging to the whole, it manifested the energy of the present moment, returning to disequilibrium and uncertainty, emotionally plunging into a situation of choice. The nascent unity of personalities was at the same time the foundation of a new social identity and at the same time the hope of restoring personality and society, unconscious cleansing from the hardships of reality, getting rid of ignorance, selfishness and inhumanity.

Keywords: solidarity; holidays; performances; culture; mythology; ideology; propaganda; province

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Salimgareev, Maxim V. | E-mail: msalimga.dis@mail.ru
ORCID iD 0000-0002-7068-671X
Cand. Sc. (History)

© Salimgareev M. V., 2023

This is an open access article under the CC BY license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)



Театрализованные исторические инсценировки как форма культурной солидарности в пространстве провинциального города (начало 1920-х гг.)

М. В. Салимгареев¹

¹Казанский национальный исследовательский технологический университет, ул. Карла Маркса, 68, Казань, 420015, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-1-28-37

УДК 94 (47+57): 930.85

Научная статья

Полный текст на русском языке

В статье на основании имеющихся исторических источников и научной литературы изучаются театрализованные исторические инсценировки на территории Казани в начале 20-х годов XX века. Перед политической и культурной элитой нового государства стояла задача привлечь внимание советских граждан к новым революционным символам и ценностям, поскольку значительная часть населения, особенно в провинции, все ещё «присматривалась» к советским порядкам. После октября 1917 г. самой распространенной формой советского политического празднования по всей стране стали не только митинги и торжественные собрания, но театральные постановки на историко-революционные сюжеты. В рамках исторического и культурного контекста выявлена связь театрализованных постановок с новаторскими приемами воздействия на зрителя. Все участники казанских театрализованных реконструкций вписывались в сюжетную канву воспроизводимых драматических событий недавнего прошлого своим самостоятельным, вовлеченным присутствием. На улицах и площадях Казани, как и многих других российских городов, возникало небывалое в истории мировой культуры коллективное сотворчество, где естественное переживание драматического момента прошлого становилось мистериальным процессом и одновременно оригинальным художественным текстом. В ходе театрализации это достигалось самым эффективным способом, чему способствовал как символический антураж, так и имитация коллективных действий, в ходе которых могли произойти «случайные» встречи с участниками реальных событий. Все это оказывало сильное воздействие на восприятие исторического сюжета как единственно возможного сценария исторической реальности и внушало ощущение глубокой причастности к памятной событию. Проживание прошлого как действительного создавало новое пространство небывалой экстатической солидарности, где коллективное действие становилось не просто политическим актом революционной массы, укреплявшим в индивиде чувство причастности, принадлежности к целому, в нем проявлялась энергия настоящего момента, возвращающая к неравновесности и неопределенности, эмоционально погружая в ситуацию выбора. Возникающее единение личностей было и фундаментом новой социальной идентичности, и одновременно надеждой на выздоровление индивида и общества, бессознательного очищения от тягот действительности, избавления от невежества, эгоизма и бесчеловечности.

Ключевые слова: солидарность; праздники; инсценировки; культура; мифология; идеология; пропаганда; провинция

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Салимгареев, Максим
Владимирович

E-mail: msalimga.dis@mail.ru

ORCID iD 0000-0002-7068-671X

Кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного муниципального управления истории и социологии

© Салимгареев М. В., 2023

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Придя к власти в октябре 1917 года, большевики столкнулись со множеством социально-экономических и политических проблем. В течение последующих лет общество на всем пространстве бывшей российской империи было ввергнуто в тяжелейший социальный, экономический, политический кризис, вызванный сменой режима и последствиями мировой и гражданской войн. В этих условиях советская власть остро нуждалась не только в политической, но и культурной легитимизации, консолидации массового сознания на почве новой солидарности [1, с. 7].

Необходимо признать, что уже несколько десятилетий довольно пристально исследуются различные аспекты ранних советских празднеств. В эти исследования вовлечены культурологи, антропологи, социологи, психологи, а также историки. Такое внимание, по-видимому, обусловлено переосмыслением советской культуры и возникающего в ней содержания, которое не утратило и сегодня своей актуальности. В имеющемся массиве исследований можно выделить несколько пластов. Например, А. И. Мазаев [2], Д. М. Генкин [3], А. В. Бенифанд, [4], В. А. Руднев [5], Я. П. Белоусов [6] еще с 50-х гг. прошлого века исследовали государственную политику СССР в сфере праздничной культуры. Новейшие разработки ведутся не только отечественными исследователями – С. Н. Шаповаловым [7], С. Д. Багдасаряном [8], М. К. Декановой [9], Д. Зевертом [10], А. А. Исаевым [11], М. А. Мордасовой [12], И. Н. Прониной [13], С. Н. Шаповаловым [14], А. И. Щербининым [15], но и зарубежными, среди которых стоит отметить Д. Гелдерна [16], К. Петроуна [17], Ш. Плаггенборга [18], М. Рольфа [19], С. Якбсона и Г. Лассвелла [20]. Отдельным исследовательским сюжетом, в известной степени затрагивающим тему советских праздников, стала так называемая культура памяти послереволюционных лет. Ее исследовали А. С. Ходнев [21], Е. И. Красильникова [22, 23], А. С. Святославский [24], А. А. Качемцева [25]. Наиболее близким нашему исследованию представляется подход к праздникам как к историко-культурному явлению. Выделим значимые для нас работы О. Л. Орлова [26], В. Н. Поповой [27], М. С. Бондаревой [28], С. Ю. Малышевой [29], Б. И. Колоницкого [30], Е. В. Барышевой [31].

Ключевое значение для нас имеют исследования С. Ю. Малышевой [32, 33]. Автор опирается на значительный по объему набор архивных источников 1920-х гг. Однако аналитическая составляющая исследования асимметрична фактологической наполненности. При всей разработанности рассматриваемой проблемы на территории Казани в начале 20-х годов XX века следует признать недостаточность осмысления аспектов формирования культурной солидарности в психологическом и культурном контексте, не изучена концептуальная связь советских праздников с авангардной теорией театра.

Перед политической и культурной элитой нового государства стояла задача привлечь внимание советских граждан к новым революционным символам и ценностям, поскольку значительная часть населения, особенно в провинции, все ещё «присматривалась» к советским порядкам [34, с. 17]. Среди мер, обращенных к идеологической трансформации ценностных установок граждан республики, в качестве ключевого направления было выбрано самое очевидное и, как оказалось, действенное, связанное с организацией системы массовых праздников [35, с. 231]. Выраженная ритуальность последних должна была постепенно заменить традицию религиозных торжеств, хотя большевики не смогли до конца искоренить народную любовь к религиозной культуре как в центре, так и в регионах страны [36, с. 47].

Как отмечает М. С. Барышева, «анализ проведения советских государственных праздников свидетельствует, что до 1922 г. празднование включало в себя такие формы, как манифестация, митинг, театральное представление» [34, с. 130]. Последние в виде исторических инсценировок применялись с особым размахом, поскольку должны были достигать невиданного возбуждения идеологической доминанты в сознании поголовно неграмотного населения страны. Впервые масштабные театрализованные реконструкции драматических событий революции прошли в 1920 году Петрограде. Разработанные и воплощенные в жизнь «Театрально-драматургической мастерской Красной Армии» инсценировки «Мистерия освобожденного труда», «К мировой Коммуне», «Взятие Зимнего дворца» произвели оглушительный эффект [37, с. 270]. Не все смогли полностью реализовать изначальный замысел мистерийности, где участники сливались бы в одно единое «коллективное тело», но созданное зрелище было самым необычным театральным экспериментом. Вслед за Петроградом массовые инсценировки проходили в Москве, Киеве, Иванове, Иркутске, Воронеже, Курске, Одессе и других городах страны [37, с. 168].

В основе организованных масштабных постановок лежала авангардистская по духу идея «театра коллективного героя», где на первый план выдвинулся новый актер, который может и должен чувствовать себя неотъемлемой частью всего, что существует в мифологическом пространстве и времени свершающегося театрального действия как формы манифестации революционной реальности [38, с. 145]. В новаторских исторических инсценировках-реконструкциях революционных событий важной составляющей стал синтез политической необходимости, социального запроса и культурного обновления, истоки которого уходят в дореволюционную эпоху, вероятнее всего в театрально-авангардистскую концепцию «соборного действия» В. Иванова [39, с. 37].

Удачный опыт столичных инсценировок был воспроизведен и в Казани. За реализацию казанских исторических реконструкций взялась первая советская женщина-режиссёр, руководитель казанской городской студии драматических искусств и заведующая театральным отделом Наркомпроса татарской республики З. М. Славянова. В своей книге она подробно описала содержание режиссируемых ею празднеств [40].

Ее первым опытом стало представление «Русская свобода» 7 сентября 1921 года на Театральной площади Казани. Вдохновившись успешным дебютом, организаторы взялись за еще более масштабные мероприятия, которые проходили на протяжении 1924 года. Как и в Петрограде основными действующими лицами стали курсанты казанских военных учебных заведений. Одним из них была постановка из времён Гражданской войны – «Гибель шестнадцати», возвращавшая зрителей и участников к памятным событиям 5–10 сентября 1918 года, когда Казань была освобождена силами 5-й армии Восточного фронта [41].

Действия развернулись на самом удобном из возможных мест Казани – у озера Дальний Кабан и его берегах. По данным организаторов, в непосредственных действиях участвовали порядка 1000 человек, за инсценировкой наблюдали порядка несколько тысяч зрителей. Начало постановки разворачивалось у подножья холма на берегу. Место выбрано было удачно, поскольку холм стал местом скопления зрителей, с воодушевлением созерцавших сюжеты драматических событий. В начале мероприятия на сцену эффектно выступили «белые», комендант штаба и его свита, генерал верхом на коне, рота юнкеров в полной амуниции. Затем появились пленные «красные курсанты». Окровавленные и измученные, они стойко выносили издевательства золотопогонников. Особенное оживление зрителей вызвала стена панического и курьёзного отступления белых, происходившая на фоне приближающейся канонады. Далее следовала сцена расстрела «пленных», которых подвели к краю оврага, где они мужественно исполнили «Интернационал» и боевую курсантскую песню. После команды «Пли!» курсанты с криками: «Да здравствует революция!» – падали «замертво». В следующей сцене появлялась «красная кавалерия», сметавшая на своём пути юнкеров. После небольшой, но ожесточенной схватки и пленения белых «Комиссар красного отряда» обратился к зрителям с призывом: «Товарищи, граждане, присутствующие здесь при расстреле, вы были очевидцами зверской расправы этой белой банды над нашими товарищами. На ваш суд представляем золотопогонников. Что с ними делать?».

В кульминационный момент инсценировка перешла в массовый митинг с участием зрителей и художественное мероприятие слилось с действительностью. Выступают представители рабочих и даже отец одного из расстрелянных белыми 26 бакинских комиссаров. Финалом становится

зрительское решение о беспощадной расправе над «белыми». Конкретная историческая реконструкция с ее военным антуражем произвела на зрителей ошеломительный эффект [42].

Кульминацией исторических реконструкций 1924 года стала грандиозная по размаху общегородская инсценировка «Империалистическая война», посвящённая событиям первой мировой войны и революции. В ней было задействовано около 2 тысяч непосредственных участников массовки, а также 10 тысяч горожан, что было невероятным для города событием. 3 августа 1924 г. Казань погрузилась в невиданное воспроизведение самых драматических и памятных событий для всей страны и города [43].

Утром, с 11:00, на центральных городских площадях и улицах появились призраки ушедшей эпохи – городовые и офицеры, Николай II, Керенский, Милюков, а также революционные активисты, сооружающие баррикады из мебели и хлама. Баррикадные бои и стычки с полицией, битье фонарей, парады пехоты, уходящей на фронт. Большинство горожан были захвачены атмосферой сопричастности происходившему. Совместные переживания объединяли их в нечто большее, чем просто скопление gazeющей публики. Как описывает очевидец, участники «слились в одно целое со всей массой зрителей» и «невольно увлеклись действием и воскресили из истории славную страницу народного гнева против царизма, против власти капиталистов и помещиков» [43]. Участник реконструкции II Съезда советов, проходившей в ноябре 1924 года в казанском коммунистическом клубе, на театральной площади отмечал, что он «по временам, в отдельные минуты забывал, что это инсценировка – масса жила подлинной жизнью кипела истинной страстью политических борцов выбивающих власть из цепких лап угнетателей»..., а после мероприятия уходил с таким ощущением, словно ему «сейчас пришлось быть участником сильнейшего из моментов великой революции, словно вот только сейчас одержана решающая победа, с дороги истории сметены последыши русского царизма с их опереточным главноуговаривающим Керенским» [44]. В отличие от некоторых питерских постановок, наполненных футуристическими и экспрессионистскими приемами с их механистичностью, отсутствием творческого начала в действиях статистов, казанские инсценировки были настолько реалистичными и живыми, что у неосведомлённой публики, особенно у крестьян, оказавшихся в городе, они вызывали шок и недоумение.

Примененный метод исторической театрализованной реконструкции со временем в Казани в таком масштабе перестает использоваться, в праздничных мероприятиях второй половины 20-х годов постепенно возобладали шаблонность и заорганизованность, из концептуального действия инсценировки перерождаются в развлекательное мероприятие.

Примером тому служит инсценировка в мае 1927 года «Маевка на Зилантовой горе – месте дореволюционных маевок» Последней попыткой наполнить историческую реконструкцию свежим содержанием были октябрьские торжества 1927 года [32, с. 128].

Очевидно, что новые празднества подлежали тотальному контролю как со стороны партийных структур города и республики, так и политического центра страны. Со второй половины 20-х годов партийный контроль за проведением всех массовых политических торжеств усиливается, нарастает стандартизация и бюрократизация и на смену новаторским поискам, нестандартным решениям в организации политических праздников приходит рутинная и заорганизованность [18, с. 300].

Устроители массовых театрализованных инсценировок понимали, что в этом обновленном, новаторском праздничном действе должна исчезнуть всякая зрительская пассивность. На смену ей призвано прийти коллективное творчество. Зритель должен стать субъектом реконструкции. Организаторы приложили все усилия, чтобы максимально близко передать внешнюю и внутреннюю сторону происходивших событий. Оценить масштабы инсценировки можно не только по скрупулезно подготовленному сценарному реквизиту, но и по имеющимся отзывам очевидцев [42].

Все участники казанских театрализованных реконструкций вписывались в сюжетную канву воспроизводимых драматических событий недавнего прошлого своим самостоятельным, вовлеченным присутствием. На улицах и площадях Казани, как и во многих других российских городах, возникало невиданное в истории мировой культуры коллективное сотворчество, где естественное переживание драматического момента прошлого становилось мистериальным процессом и одновременно оригинальным художественным текстом. В ходе театрализации поставленные цели достигались самым эффективным способом, чему способствовал как символический антураж, так и имитация коллективных действий, в ходе которых могли произойти «случайные» встречи с участниками реальных событий. Все происходившее оказывало сильное воздействие на восприятие исторического сюжета как единственно возможного сценария исторической реальности и внушало ощущение глубинной причастности памятной событию.

Катарсисное проживание прошлого как действительного создавало новое пространство небывалой экстатической солидарности, где коллективное действие становилось не просто политическим актом революционной массы, укреплявшим в индивидууме чувство причастности, принадлежности к целому, в нем проявлялась энергия настоящего момента. Возникающее единение личностей стало фундаментом новой социальной идентичности, с которой связывалась надежда на выздоровление индиви-

да и общества, их, во многом бессознательное, очищение от тягот действительности, избавление от невежества, эгоизма и бесчеловечности.

Ссылки

1. Рольф М. Советские массовые праздники. М.: РОССПЭН, 2009. 437 с.
2. Мазаев А. И. Праздник как социально-художественное явление. Опыт историко-теоретического исследования. М.: Наука, 1978. 393 с.
3. Генкин Д. М. Массовые праздники. М.: Просвещение, 1975. 122 с.
4. Бенифанд А. В. Праздник. Сущность, история, современность. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1986. 140 с.
5. Руднев В. А. Советские праздники, обряды, ритуалы. Л.: Лениздат, 1979. 206 с.
6. Белоусов Я. П. Праздники старые и новые (некоторые философские аспекты проблемы празднования). Алма-Ата : Казахстан, 1974. 198 с.
7. Шаповалов С. Н. Генезис советских государственных праздников на Кубани в 1918–1930-е гг. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2012. 125 с.
8. Багдасарян С. Д. Методы социально-культурной политики советского государства в области преобразований традиционной праздничной культуры в селах и станицах юга России в 1920-е гг. // Вестник СГУТиКД. 2012. № 2. С. 45–53.
9. Деканова М. К. Особенности восприятия советской праздничной культуры 1920-х гг. // Вестник СамГУ. 2009. № 3. С. 20–27.
10. Зеверт Д. Современные подходы к пониманию праздничной культуры в Советском Союзе // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение». 2015. № 2. С. 103–113.
11. Исаев А. А. Подготовка и празднование дня международной солидарности пролетариата (трудящихся) на Дальнем Востоке СССР в 1930-е гг. как важная часть политико-идеологической работы. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 10 (84). С. 61–65.
12. Мордасова М. А. Праздничная культура Южного Урала в 1917–1941 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2005. 210 с.
13. Пронина И. Н. Массовый праздник в советской социокультурной модели // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 19 (374), вып. 37: Философия. Социология. Культурология. С. 114–121.
14. Шаповалов С. Н. Советские праздники и политическая социализация молодежи // Общество: политика, экономика, право. 2013. № 3. С. 30–33.
15. Щербинин А. И. Тоталитарная индокринация: у истоков системы (политические праздники и игры) // Полис. Политические исследования. 1998. № 5. С. 79–96.

16. Geldern J. von. *Bolshevik Festivals, 1917–1920*. Berkeley and London: University of California Press, 1993. 266 p.
17. Petrone K. *Life Has Become More Joyous, Comrades: Celebrations in the Time of Stalin* - Bloomington: Indiana University Press, 2000. 280 p.
18. Плаггенборг Ш. Революция и культура. Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб.: Нева, 2000. 414 с.
19. Рольф М. Советские массовые праздники. М.: РОССПЭН, 2009. 439 с.
20. Якобсон С., Лассвелл Г. Д. Первомайские лозунги в советской России (1918–1943) // Политическая лингвистика. 2007. № 21. С. 123–142.
21. Ходнев А. С. Культура памяти и публичная история // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 6. С. 218–221.
22. Красильникова Е. И. Формирование системы мест памяти, связанных с событиями революции и гражданской войны в городах Западной Сибири (1920-е гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. № 1. С. 55–59.
23. Красильникова Е. И. Помнить нельзя забыть? Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941 г.). Новосибирск: Изд-во Новосибир. гос. техн. ун-та, 2015. 570 с.
24. Святославский А. В. Среда обитания как среда памяти: к истории отечественной мемориальной культуры: автореф. дис. ... д-ра культурологии. М., 2011. 53 с.
25. Качемцева А. А. Традиции некрокультуры как форма сохранения социально-исторической памяти // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2010. № 6. С. 276–279.
26. Орлов О. Л. Праздничная культура России. СПб.: КультИнформПресс, 2001. 159 с.
27. Попова В. Н. Праздник как форма культурной памяти: государственные праздники России XX – начала XXI вв. : автореф. дис. ... канд. культурологии. Екатеринбург, 2011. 24 с.
28. Бондарева М. С. Идеологические и художественные практики России 1917–1925 годов как инвариант массовой культуры: дис. ... канд. культурологии. Кострома, 2004. 203 с.
29. Малышева С. Ю. Историческая мифология советских «революционных празднеств» 1917–1920 годов // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2003. № 10. С. 231–254.
30. Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть. К изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб.: Лики России, 2012. 336 с.
31. Барышева Е. В. Конструирование политического пространства советского города 1920–1930-х гг. // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2015. № 11 (154). С. 31–41.
32. Малышева С. Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). Казань: Рутен, 2005. 400 с.

33. Мальшева С. Ю. Историческая мифология советских «революционных празднеств» 1917–1920 годов // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2003. № 10. С. 231–254.

34. Барышева Е. В. Советский государственный праздник в социальном конструировании нового общества, 1918–1941 гг.: дис. ... д-ра наук. М., 2020. 408 с.

35. Гвоздев А. А., Пиотровский Адр. Петроградские театры и празднества в эпоху военного коммунизма // История советского театра. Т. 1: Петроградские театры на пороге Октября и в эпоху военного коммунизма, 1917–1921. Л.: Ленинградское отд-е Гос. изд-ва худ. Литературы, 1933. 404 с.

36. Красильникова Е. И. Политика памяти: исторические символы и коммеморативные практики в системе социально-политической саморегуляции сибирского региона в XX – начале XXI вв. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2020. Т. 26, №1. С. 47–54.

37. Агитационно-массовое искусство первых лет Октября / сост. П. Н. Роков. М.: Искусство, 1971. 224 с.

38. Кибардин А. А. Художественный метод Театрально-драматургической мастерской Красной Армии в Петрограде 1919–1920 годов // Временник зубовского института. 2021. Вып. 2 (33). С. 145–162.

39. Иванов В. И. Из заметок о строении и функциях карнавального образа // Проблемы поэтики и истории литературы. Саранск: Изд-во Мордов. гос. ун-та, 1973. С. 37–53.

40. Славянова З. М. Рабоче-крестьянский театр. Казань: Госиздат, 1921. 209 с.

41. Агеев А. Контрнаступление Красной Армии на Восточном фронте осенью 1918 года. // Военно-исторический журнал. 1982. № 3. С. 66–73.

42. Зритель. «Гибель шестнадцати» // Красная Татария. 1924. 18 июня.

43. На улицах Казани (Инсценировка империалистической войны). Проклятье прошлому // Красная Татария. 1924. 5 авг.

44. А. Л. II Съезд советов (Инсценировка в коммунистическом клубе) // Красная Татария 1924. 11 ноябр.